УДК 316.4.051 DOI: 10.22394/2071–2367–2019–14–1–59–71

УНИКАЛЬНЫЕ И ИНВАРИАНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОСТИ: РИСКИ, КОНФЛИКТЫ И КОММУНИКАЦИИ

Хорольцева Е. Б., Федорова А. В.[1]

Целью статьи является анализ современной социокультурной ситуации с помощью методологии Джона Ло для совершенствования механизмов социального управления на уровне общества и отдельных организаций. Объектом статьи является современная социокультурная ситуация.

Предмет исследований - уникальные и инвариантные особенности современности в ситуации антропологического кризиса и кризиса познания. Современность рассматривается в плоскости познавательной деятельности с использованием методологии Джона Ло, который предлагает переосмыслить значение социологического подхода и количественных методов социальных наук в исследованиях современных практик.

В статье использован методы нарративного описания, картографии и метод – сборка, которые могут быть использованы для эффективного управления социальными процессами и явлениями (рисками и конфликтами). Особенности современности осмыслены в форме пяти конфигураций, основаниями которых являются коммуникации, риски и конфликты.

Результаты исследования могут быть применены в совершенствовании современного управления коммуникациями, рисками и конфликтами на уровне общества и организаций различных форм собственности.

Ключевые слова: современность, конфигурации, аджайл, риски, конфликты, коммуникации

Хорольцева Елена Борисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС, адрес: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, e-mail: horolceva-e@mail.ru

Федорова Анна Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС, адрес: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Московская, д. 164; e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

UNIQUE AND INVARIANT FEATURES OF MODERNITY: RISKS, CONFLICTS AND COMMUNICATIONS

KHOROLTSEVA E. B.– Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Social Communications, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Saratov) e-mail: horolceva-e@mail.ru

FEDOROVA A. V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Social Communications, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Saratov) e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

The aim of the article is to analyze the current sociocultural situation using the John Law methodology for improving the mechanisms of social management at the level of society and individual organizations. The object of the article is the modern socio-cultural situation.

The subject of research is unique and invariant features of modernity in a situation of anthropological crisis and crisis of knowledge. Modernity is viewed in the plane of cognitive activity using the methodology of John Law, who proposes to rethink the significance of the sociological approach and the quantitative methods of the social sciences in the research of contemporary practices.

The article uses the methods of narrative description, cartography and method - assembly, which can be used to effectively manage social processes and phenomena (risks and conflicts). The features of modernity are interpreted in the form of five configurations, the bases of which are communications, risks and conflicts.

The results of the study can be applied in the improvement of modern management of communications, risks and conflicts at the level of society and organizations of various forms of ownership.

Keywords: modernity, configuration, agile, risks, conflicts, communications.

В числе множества странностей современности в политическом, управленческом, культурном, духовном, социальном и исследовательском полях можно выделить антропологическую составляющую. Именно она в большей степени проявляет риски, конфликты и коммуникации. Современность выстраивает непрерывные отношения с человеком. Во многом они дискурсивны, рискованны и отличаются значительным конфликтным потенциалом. Человек, в свою очередь,

воспринимает, осознает современность как «вызов» своему существованию, ставит задачи по отношению к ней, деятельностно и коммуникационно осваивает ее. Он имманентно конфликтен по отношению к современности. Она тревожит и противостоит как субстанциальная данность, пугает сложностью и инаковостью, провоцирует контингентными различениями и неопределенностями последствий принимаемых решений и осуществляемых действий. «Человек – современность» – это не столько взаимосвязь, сколько связанность особого типа; не контингентность (вероятностные связи и отношения), а фундаментальность. Человек стремится преодолеть неопределенности, чтобы проанализировать современность. В своих крайних проявлениях современность невыносима для человека своими высокими рисками, с которыми он скорее примиряется, нежели управляет ими. Поэтому в устоявшийся инструментальный перечень стратегий управления рисками можно внести концептуальную стратегию смирения перед рисками, когда происходит ситуативное принятие рисков такими, какие они есть, без количественной и качественной оценки.

Современность предъявляет себя человеку, изменяя его статус. Он становится актором – человеком действующим, дискурсивным, способным принимать и мириться с разноуровневыми неопределенностями и рисками, выстраивать эффективные коммуникации, конфликтовать и работать в режиме аджайлов. Аджайлы интересны своей акмеологической составляющей деятельности и дискурсивных практик. Акторы достигают «вершинного» состояния благодаря тому, что реализуют себя в команде профессионалов в процессе создания профессионального продукта. Самой важной особенностью актора является способность «выходить за границы собственного существования», в более глобальные фреймы социальных действий и ситуаций современности. В сущностной особенности этой взаимосвязи заключается неизбежная вынужденность со стороны акторов и непроизвольность со стороны современности. Если актор должен, то современность осуществляет свободный выбор. В этом аспекте оправдан структурный подход к аналитике современности через совокупность атрибутивных конфигураций, имеющих управленческий потенциал. Тем не менее в предъявлении современности есть границы, определяющиеся риск–конфигурациями, конфликт–конфигурациями и коммуникационными конфигурациями. Конфигурации, описывающие границы (фреймы) современности, представляют собой динамичные модели атрибуций в системе «современность – актор».

Первая конфигурация конституируется следующими вопросами: почему в современной ситуации так важны социально–управленческие интерпретации рисков и конфликтов? В чем заключается необходимость множить междисциплинарные подходы? Уже сформировались и неплохо зарекомендовали себя социологические, экономические и психологические объяснения рисков,

конфликтов и коммуникаций? Ответ не столь приятен для исследователя, сколь очевиден – современность сложна. Ряд исследователей утверждают, что ей присуща сверхсложность[1]. Перефразируя Геделя, сложное можно понять и исследовать только сложным. В этом контексте актуален вопрос, задаваемый Джоном Ло: «Если это чудовищный беспорядок…, то не привнесет ли менее беспорядочное описание еще больше беспорядка?»[2]. Сложное нельзя изучать простыми и ясными моделями, отнесенными к динамичному и потоковому праксису. Необходимо выходить на рекурсивные по сложности, контингентности и нелинейности, концептуальные модели и подходы в исследованиях современности. Нужны аджайлы – процессы, направленные на создание уникального, высококачественного продукта командами исследователей–профессионалов. Социология управления являет собой один из аджайлов изучения современности.

Современность противоречива и проблемно–ориентирована. Противоречия современной ситуации не имеют ни малейшего совпадения с полярностью или амбивалентностью, когда одни характеристики или особенности противопоставляются другим. В рамках этой логики организуется конфликтологический континуум бинарных оппозиций и многочисленных вариаций. Главная управленческая задача актора в традиционном понимании противоречий и противоположностей заключается в удержании континуума противоречивых взаимодействий, а также в кристаллизации противоположных свойств и отношений.

Противоречивость современности в большей степени связана со смешениями и многочисленными беспорядками. Фундаментальными основаниями функционирования и развития современности являются неопределенность, кризисность, высокая рискогенность и конфликтогенность. Эти характеристики представлены в явном или латентном виде. В собственной явленности мы можем изучать феномены современности. Латентные периоды скрывают от следователей текстуры социальных явлений и действий.

Вторая конфигурация определяется следующим кругом вопросов: «что считать современностью»? Познаваемы ли риски, конфликты и коммуникации современности? Подходит ли метафора познания как такового для исследований рисков, конфликтов и коммуникаций в условиях современности? Какую цену мы платим за познание рисков, конфликтов и коммуникационных отношений в аспекте современности?

---

[1]Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Издат-во Института Гайдара, 2015. – 352 с; Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. – М.: Издат. Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 448 с; Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. – М.: Смысл, Альпина нон – фикшн, 2015. – 461 с; Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. – М.: Издат. Центр. «Академия», 1995. – 159 с.

[2] Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издат-во Института Гайдара, 2015. – С.11.

Постановка этих вопросов вполне оправданна: слишком уж неуловима и изменчива, неустойчива и подвержена различным смешениям современность. Она не тождественна модусу настоящего. Недостаточно бесконечно апеллировать к Хайдеггеру и описывать современность через со–временность и со–участие, со–вовлеченность и со–работничество, через одномоментное со–присутствие человека (актора) и ситуативных явлений и феноменов. По своим текстурам современность близка к потоковым феноменам, трудным для процессов рефлексии и описания. Возникает важная проблематика, связанная с несформированностью дискурсов для описания современности. Мы убедились в этом на практике, попробовав описать современность как противоречивую и проблемно–ориентированную. Она противоречива, но это совершенно новый тип противоречивости (противоречива и не противоречива одновременно). Очень сложно описать современность, используя метафору потоковости. В центре современной ситуации «стоит» человек. Это не имеет никакого отношения к ренессансу и гуманистическим концепциям. Антропоцентричность предполагает, что человек сам «встает» в центр современности или ее отдельного фрагмента и выстраивает ее изнутри, интегрируя в реальность цели, мотивы, интересы и ценности, позиции и стратегии, различные поля, которые он может порождать бесконечно. Внешнее и внутреннее непрерывно переходят одно в другое и превращаются в трудные различения внутреннего и внешнего. Современный человек (актор) разворачивает внешнюю реальность через внутреннее и изменяет внутреннее через внешнее. Непрерывность многочисленных переходов может быть конфликтно и коммуникационно окрашена. Благодаря центральному положению человека как актора возникают текучие, трудно уловимые текстуры социальных действий и опыта акторов.

Актор непрерывно выстраивает цели и делает это осознанно. Важными являются два основных момента. Во–первых, постановка целей – это целостный и сложный процесс, основанием которого является выбор человека. Он осознает, формирует и реализует выбор того или иного процесса целеполагания. Текстуры выбора сложны по своим этическим и когнитивным основаниям. Главным основанием выбора современного человека является темпоральность. Это серьезный вызов, который актор должен преодолеть. Выбор должен быть произведен без суеты, что фактически непреодолимо в условиях временной компрессии, возрастающих темпов социальной жизни и социальных действий, аритмии и ахронии. Во–вторых, в телеологичности причинно–следственные связи могут быть направлены в обратную сторону. Например, если актор хочет стать исследователем рисков, конфликтов и коммуникаций, то ему необходимо научиться соответствующим подходам, моделям и инструментариям. Но имеют место и обратные причинно–следственные связи: ему нравится исследовать риски, конфликты и коммуникации с помощью выбранного инструментария из–за того, что

актор решил исследовать риски и конфликты. В этом случае мы имеем дело с инверсией времени. В этих условиях актор испытывает иллюзию собственной активности, не приписывая собственный выбор и последствия, которые связаны с ним, себе, а не внешним факторам и обстоятельствам.

Третья конфигурация очерчивается вопросами, затрагивающими изменения современности: развивается ли она? Чем детерминирована динамика развития или изменения? Кто или что определяет это право на развитие или инновирование? Какие риски, конфликты и коммуникации проявляют себя в процессах инновации? Способность разворачиваться и изменяться на постоянных системноорганизованных обратных связях – фундаментальное свойство современности. Обратная связь представляет собой не только коммуникационные, рискогенные и конфликтогенные взаимодействия, но и целокупные сложные навигационные системы с тонкими и точными приборами. Обратная связь, с одной стороны, отстраивает от реальности, а с другой стороны, настраивает на следующий виток социальных действий и отношений. Контуры обратной связи тесно связаны с феноменом памяти и воспроизведения тех или иных событий социальной жизни человека (актора). Память – основа нового контура обратной связи. Мы можем воспроизвести событие только один раз, что доказано экспериментально когнитивными психологами[1]. Следующий акт воспоминания – это не воспоминание происшедшего события, «воспоминание воспоминания». Это означает, что следующий контур обратной связи выстраивается не на основании рефлексивного выхода за границы события, а на основании информации, предоставленной первым рефлексивным выходом акторов.

Современность встроена в более широкий контекст исторического развития социума. Ей присуща включенность в исторические периоды изменения социального знания и практик, связанных с ним. Чтобы не лишиться исторического контекста, необходимо вкладываться в него концептуально, методологически и методически. С другой стороны, необходимо концентрироваться на настоящем, погружаться в него полностью, переживая деятельность на глубинном уровне. Вместе с тем акторам современности важно не только контролировать сиюминутные действия, но и погружаться в более широкие фреймы смыслов: «Необходимо иметь глобальную систему взаимосвязанных жизненных целей, способную придать смысл каждому конкретному делу, которым занимается человек. Если просто переключаться с одного вида деятельности на другой безо всякой связи между ними и без глобальных перспектив, то, скорее всего, оглянувшись назад на прожитую жизнь, вы не обнаружите в ней смысла»[2].

---

[1] Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. – М.: Издат. Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 448 с.

[2] Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. – М.: Смысл, Альпина нон–фикшн, 2015. – С. 320-321.

Четвертая конфигурация связана с вопросами, затрагивающими исследовательские методы, достоверность используемых методов, релевантность исследовательских контентов и процедур. Современность не просто проблемно–ориентирована, она сложная и связанная, нелинейная и открытая, системная и непропорциональная по оказываемым воздействиям на обстоятельства, факторы или условия. Наделяя столь уверенно современность свойствами или характеристиками, необходимо задаться вопросом: каким образом мы узнаем о них? «В последние два десятилетия приобрели значимость методы анализа визуального материала, перформативные подходы и понимание методов как поэтики или интервенционистского нарратива»[1]. Почему процесс познания в современном контексте становится нарративом, рассказом со встроенными структурами субъективного опыта того или иного актора? Каким образом должен быть выстроен этот рассказ, чтобы «включить» риски, конфликты и коммуникации в сложную и противоречивую реальность? Каким образом «включить» и «встроить» риски, конфликты и коммуникации в ткань современной реальности, не разрушив важной и необходимой связности с другими феноменами современности? И возможно ли нарушить существующую связность для того, чтобы проанализировать риски, конфликты и коммуникации в качестве сложных феноменов социальной реальности? Почему нарративы носят интервенционистский характер? Интервенция представляет собой грубое вмешательство в потоковую и непрерывно изменяющуюся реальность рисков, конфликтов и коммуникационных практик. Эти феномены могут быть осмыслены на уровне социума и отдельных организаций, а также процессов управления, связанных с ними. На уровне социума они приобретают статус социальных рисков, конфликтов и коммуникаций. Социальные риски – это сверхсложные процессы, конституированные системами социальных действий и событий, раскрывающихся в эсхатологической перспективе «оказаться спасенными в последний момент». Социальные конфликты – это процессы, аккумулирующие действия, волю, коммуникации и высокие риски в перспективе множественных переходов связанности акторов, социальных действий и социального контента. Социальные коммуникации представляют собой связанные нелинейные и открытые вербальные и невербальные взаимодействия акторов в условиях неопределенности.

Необходимо понимать, что исследования провоцируют «разрыв» реальности. Возникают исследовательские риски и конфликты. Многообразие методов порождает многообразие интервенций и неопределенностей, «новых» рисков и конфликтов. Они связаны с претензиями одного из методов на монополию, формируют нормативные дискурсы и нормативные окна, сквозь которые мы

[1] Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Издат-во Института Гайдара, 2015. – С. 15.

воспринимаем и интерпретируем современность. Современные исследовательские методы не только описывают реальность, но и производят ее.

Пятая конфигурация описывает процесс натурализации методов исследований. Можно ли использовать методы и подходы натурфилософии к изучению рисков, конфликтов и коммуникаций? Могут ли риски, конфликты и коммуникации изучаться в качестве объектов физического, природного мира, а не мира социального, духовного? Натурализация проявляется в доминировании количественных методов исследований рисков и конфликтов. Поэтому реальность социальных и организационно–управленческих рисков, например, осмысливается исключительно как произведение вероятности того или иного события на ущерб. А все остальные интенции по отношению к социальным и организационно–управленческим рискам считаются недостоверными. Речь идет о достоверности и релевантности получаемых данных. Натурсоциологические подходы импортируют ясные и примитивные модели рисков, конфликтов и коммуникаций. В погоне за сбором, обработкой и аналитикой данных, в процессах обеспечения релевантности и валидности проводимых исследований мы теряем концептуальность и управляемость объектов исследований и проектирования. Риски, конфликты и коммуникации становятся изрядно политизированными. На эту особенность обращал внимание П. Бурдье. По сущностным характеристикам, в процессе исследовательских манипуляций мы конструируем совершенно иные объекты, ждущие своего «включения» в ткань реальности. Обратим внимание на то, что удвоение натурализации осуществляется в рамках дискурсов и смысловых коммуникаций исследователей. Исследователи стремятся установить и переустановить различные типы фактов о рисках, конфликтах и коммуникациях, а также техник и правил сбора информации, которые были бы релевантны исследовательским процедурам.

Для преодоления натурфилософских подходов к анализу современности необходим рефлексивный выход, в котором мы схватываем уникальные и инвариантные характеристики реальности в акте рефлексии. Процесс рефлексии связан с тем, что мы поднимаемся намета–уровень и начинаем описывать реальность на мета–языке, формируя новую реальность рефлексивного типа и рефлексивные дискурсы, взаимовлияющие друг на друга и актора. Мета–уровень предполагает, что современность мы осмысливаем отстраненно, в качестве объекта и предмета. Процесс рефлексии представляет собой исследовательский процесс, реализуемый в теоретическом, праксическом и практическом поле.

Теоретическое поле выстраивается на основе логично выстроенных подходов, парадигм, трендов и направлений. Оно системно организовано. Главную роль в теоретической системности выполняют акторы, являющиеся носителями знаний, опыта, предпочтений. Акторы реализуют многочисленные стратегии теоретических исследований, определяют принципы и границы, дискурсивные практики и поля

рисков и конфликтов. Основная функция теоретического поля по отношению к реальности – концептуальная.

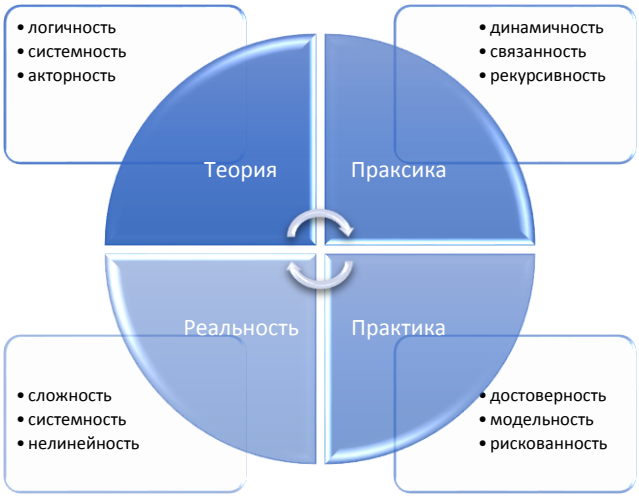

Рисунок 1 – Обусловленность теории, праксиса и практики
Figure 1 – Conditionality of theory, praxis and practice

Необходимо понимать, что эта интерпретация теоретического поля возможна в границах классической картины мира. В ситуации постсовременности теоретическое поле эклектично, представлено различными направлениями теоретического знания, отсутствуют гранд–теории. Характер взаимодействий между многочисленными и разнообразными теориями определяется как сетевое партнерство, основанное на равноправии и ситуативной взаимодополнительности. Теоретические конфигурации отличаются рискованностью и конфликтогенностью, проявляющимися через гетерогенность теоретического поля.

Поле праксиса детерминировано теоретическими концепциями и построениями. Оно динамично разворачивается и развивается, интегрируя теоретическое и практическое поля. Праксис должен быть рекурсивен элементам, процессам, структурам и явлениям теоретического и практического полей. Риски рекурсивности или соответствия могут проявлять себя посредством разрозненных практик акторов (риски как ущерб, угроза, потери), а также конфигуративных построений, позволяющих увидеть новые возможности интеграции (риски как шанс, выигрыш и возможности). Конфликты проявляют себя в амбивалентности рисков и праксического поля, стремящегося соединить несоединимое.

Остановимся исследователями, которые выполняют сложные и неоднозначные исследовательские роли: политика, путешественника, управленца, эффективного

коммуникатора, аналитика рисков и конфликтолога. Подбираем адекватные объекту и предмету методы, методики, технологии и подходы. Разрабатываем соответствующие исследовательской ситуации парадигмы и проекционные матрицы, помогающие «увидеть» современность как объект исследований и выявить «различения». Устанавливая «различения», реализуем исследовательские цели и задачи, определяем гипотезы, которые либо найдут подтверждение, либо будут опровергнуты. Риски и конфликты различений – это открытые, нелинейные, телеологичные и непропорциональные по воздействиям и получаемым результатам процессы, интенционно направленные на преодоление неопределенности с контингентными исходами событий и действий (ущерб/возможность). Основным источником различений выступает динамичность поля праксиса. Динамика поля праксиса выстраивается благодаря взаимопереходам актора из поля теории в поле практики. Конституируются когнитивные модели праксического поля на основе непрерывно порождающихся различений. Актор, с одной стороны, выступает в роли посредника между многочисленными разноуровневыми полями, а с другой стороны, сам является носителем норм, правил и установок собственного социокультурного поля. Действия актора – это своего рода интервенция в гетерогенные поля теоретических и практических смыслов. И, как любая интервенция, она отличается высокой конфликтогенностью. Актор в поле праксиса внутренне потенциально конфликтен. Он становится парадоксальным функционалистом, когда, утрачивая внутреннюю целостность и центрированность, обеспечивает внешнюю связанность.

Риски связанности всего со всем в поле праксиса наиболее высоки, поскольку трудно спрогнозировать причинно–следственные связи, выявляемые между различными феноменами и соответствующими им концепциями. Множество причин способны спровоцировать действия акторов. А действия акторов могут привести к столь же многочисленным и трудно выявляемым последствиям. Праксически невозможно определить ключевую причину, приоритетное действие или важное последствие. Снизить неопределенность помогает сценарный подход или сочетание различных режимов взаимодействия акторов в поле праксиса (планирование, программирование, проектирование, сценирование и флаирование). Конфликты порождаются интенсивными взаимопереходами от внешнего (практики) во внутреннее (теории), и наоборот.

Поле практики отличается достоверностью, рискованностью и модельностью. Достоверность связана с наивной верой в правильность, результативность и жизнеспособность действий акторов. Акторы практического поля действуют, руководствуясь прагматичной рациональностью «для того, чтобы…». Получаемая выгода может носить как материальный, так и нематериальный характер. Ткань практического поля состоит из рутинизированных практик, формирующих определенность выбора и стабильность выстраиваемых стратегий. Управление

возможно благодаря моделям и проекционным матрицам акторов. Они собирают в «пучки» и хинтерланды наиболее типичные ситуации (кейсы). Риски и конфликты возникают в отношениях практик и моделей или проекционных матриц, когда проявляет себя асимметричность интерпретаций. Описательные дискурсы, сопровождающие процессы моделирования, увеличивают риски интерпретаций происходящих событий и явлений. Для нас в большей степени здесь будет представлять интерес герменевтика социального действия. Конфликты появляются в качестве конфликтов интерпретаций, подробно проанализированных Полем Рикером. Он пишет: «Конфликт между пониманием и объяснением принимает форму истинной дихотомии с того момента, как начинают соотносить две противостоящие друг другу позиции с двумя различными сферами реальности: природой и духом»[1]. Если следовать точности терминологии, определяемой П. Рикером, то процесс понимания представляет собой проникновение в другое сознание с помощью внешнего обозначения, а процесс интерпретации связан с пониманием текстов. Понимание во многом интуитивно, поскольку понимающий актор ищет определенное родство со смыслами, которые раскрываются в тексте[2].

Основная функция поля практики – рефлексивная, она помогает собрать и деятельностно осмыслить сложную, нелинейную и противоречивую реальность. С функциональной точки зрения проявляют себя риски прерывности: риски перехода из повседневной реальности в поле практики, праксиса и теории. Феномен прерывности может быть осмыслен с помощью непрерывности. Непрерывной является повседневная реальность с присущими ей структурными феноменами и отношениями. Современность – это непрерывность событийного ряда, участниками и очевидцами которого и являемся. Кажущаяся непрерывность позволяет наблюдать и участвовать в пролонгированных событиях. У акторов возникает иллюзия длительности и определенности. Мишель Фуко писал о непрерывности, присущей историкам: «Вот уже несколько десятилетий внимание историков направлено на периоды большой длительности… они рассчитывают обнаружить устойчивые и трудно нерушимые равновесия… явления, имеющие общую тенденцию, достигающие наивысшей точки и оборачивающиеся вспять после многовекового непрерывного существования»[3]. Непрерывность позволяет найти закономерности разворачивающейся и стремительно развивающейся реальности. Закономерности усиливают скрепы между рутинизированными практиками и системами отношений, формируют определенность акторов и контекстов их жизни, то есть значимые условия и факторы, оказывающие доминирующее влияние. В реальности проявляют себя не только дискурсы прерывности, но и дискурсы

[1] Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. – М.: Издат. Центр. «Академия», 1995. – С.5.

[2] Миронова Е.Б. Жизненное пространство человека: социальные проблемы понимания: автореф. дис.... канд. филос. наук. – Саратов, 2003. – 21 с.

[3] Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. – С. 35.

разрыва, границы, фронтира. Дискурсы разрыва и различения проработаны Николосом Луманом, дискурсы границ ингерентны теории фреймов и фрейм–анализу Ирвина Гофмана. Интересным и эвристичным по отношению к рискам, конфликтам и коммуникациям является понятие фронтира[1].

Подводя итоги, можно сказать, что в традициях социологической рефлексии были проанализированы пять основных конфигураций, описывающих уникальные и инвариантные сущностные характеристики современности. Каждая из конфигураций структурно организована рисками, конфликтами и коммуникациями и содержит круг вопросов, на которые стремится ответить. Первая конфигурация в большей степени связана с аджайлами социально–управленческого знания, со свойствами сложности, «новой» противоречивости и проблемной ориентированности современности. Вторая конфигурация раскрывает современность через свойства изменчивости, неустойчивости и динамичности, выстраивает познавательное поле исследований современности. Третья конфигурация описывает основную интенцию современности разворачиваться и изменяться на постоянных системноорганизованных обратных связях, что составляет онтологическое свойство современности. Четвертая конфигурация представляет собой совокупность исследовательских методов, релевантность исследовательских контентов и процедур. Современность осмысливается как связанность исследовательских нарративов. Пятая конфигурация раскрывает взаимодействие теорий, практик и праксиса современности. С одной стороны, риски, конфликты и коммуникации придают внутреннюю связанность каждой из пяти конфигураций. С другой стороны, они объединяют их в единое поле современности и позволяют достойно ответить на «вызов» современности по отношению к человеку, актору и его деятельности.

Библиография/References:

1. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.

2. Максимова Л.Н., Федорова А.В. Коммуникационные и рискологические аспекты нравственных действий современного человека // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Том 18. – № 1. – С. 88-98.

3. Миронова Е.Б. Жизненное пространство человека: социальные проблемы понимания: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2003. – 21 с

[1]Максимова Л.Н., Федорова А.В. Коммуникационные и рискологические аспекты нравственных действий современного человека//Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Том 18. – №1. – С. 88–98.

4. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. – М.: Издат. Центр. «Академия», 1995. – 159 с.

5. Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. – 416 с.

6. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. – М.: Издат. Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 448 с.

7. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. – М: Смысл, Альпина нон-фикшн, 2015. – 461 с.

1. Law, J. (2015) Posle metoda: besporjadok i social'naja nauka [After Method: Mess in Social Science Research]. – M.: Izd-vo Instituta Gajdara. – 352 p. (In Russ.)

2. Maksimova, L.N., Fedorova, A.V. (2018) Kommunikacionnye i riskologicheskie aspekty nravstvennyh dejstvij sovremennogo cheloveka [Communication and risk aspects of the moral actions of modern human] // Vestnik povolzhskogo instituta upravleniya. [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration]. – Tom 18. – № 1. – P. 88-98. (In Russ.)

3. Mironova, E.B. (2003) Zhiznennoe prostranstvo cheloveka: social'nye problemy ponimaniya [Human living space: social problems of understanding]: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. – Saratov. – 21 p. (In Russ.)

4. Ricoeur, P. (1995) Germenevtika. Jetika. Politika [Hermeneutics. Ethics. Politics]. – M.: Izdat. Centr ACA-DEMIA. – 160 p. (In Russ.)

5. Foucault, M. (2004) Arheologija znanija [The Archaeology of Knowledge]. – SPb.: IC «Gumanitarnaja akademija». – 416 p. (In Russ.)

6. Chernigovskaja, T.V. (2017) Ulybka kota Shredingenra: jazyk i soznanie [Cheshire Cat Shreddingenra smile: language and consciousness]. – M.: Izdat. Dom JaSK: Jazyki slavjanskoj kul'tury. – 448 p. (In Russ.)

7. Chiksentmihaji, M. (2015) Potok: Psihologiya optimal'nogo perezhivaniya. [Flow: The Psychology of Optimal Experience]. – M: Smysl, Al'pina non-fikshn. – 461 p. (In Russ.)